

The background of the book cover is a soft-focus image of a woman's face in profile, looking upwards. Her face is partially obscured by and merged into a vast, ethereal sky filled with white and grey clouds. The overall color palette is muted, with soft purples, greys, and whites. A blue banner is positioned at the top right.

Исцеляющее пространство

Фиолетовое небо

Как найти себя,
принять себя
и стать самим собой

Надежда Карпова

Надежда Карпова

Фиолетовое небо. Как найти себя, принять себя и стать самим собой

<https://litres.ru/74298919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы слышали, как звучит ложь? Ева слышит. С детства она воспринимает эмоции как музыку: мамину тревогу — дрожащей струной, школьную фальшь — металлическим звоном. Чтобы выжить, она научилась подстраиваться под любого, как радио под чужую волну.

Она создаёт идеальные виртуальные миры — но в её собственной жизни не осталось ни одного настоящего звука. Успех, любовь, деньги — все есть. Но не это делает ее счастливой.

Проживите путь с Евой и получите свою инструкцию к счастью. В финале — ответы на главные вопросы: как найти себя, принять себя и стать самим собой.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Утро	6
Глава 2. Мамин голос	9
Глава 3. Игрушечное пианино	11
Глава 4. Фиолетовое небо	13
Глава 5. Школьный шум	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Надежда Карпова Фиолетовое небо. Как найти себя, принять себя и стать самим собой

Предисловие

Посвящается моему Учителю — за то, что научил меня слышать не слова, а тишину между ними.

Ева с рождения слышит эмоции как запахи и звуки. В детстве мир был симфонией, в юности — фальшивым джазом. Повзрослев, она стала лучшим создателем звуковых миров для виртуальной реальности, где всё идеально. Но однажды она замечает, что в её собственной жизни нет ни одного реального звука.

Я сама прошла — или до сих пор прохожу — этот путь во тьме, когда внешняя картинка идеальна, а внутри только сосущая пустота и вопрос: «Куда двигаться дальше?».

В этой книге есть ответ на вопросы Как найти себя, принять себя и стать самим собой.

Кому будет недостаточно, приоткрою тайну, в конце кни-

ги, в Посвящении, есть короткий конспект ответов.

Но, одно дело знать, а другое - прочувствовать.

Поэтому, приглашаю вас прожить эту историю вместе.

Глава 1. Утро

Мир вошёл в Еву ещё до того, как она открыла глаза. Сначала — бас маминого молока: густой, тёплый, он гудел в груди. Потом — солнечный звон колокольчика на стене. Ева повернулась, прижала к щеке зайца — он пах мятой, прохладной и чуть горькой: вчера она плакала, и слёзы пропитали мех. Мир был океаном вибраций, и каждая имела свой цвет, температуру, вкус. Ева улыбнулась без причины, как улыбаются дети, которым ещё не сказали, что так не бывает.

Она села, упёрлась ладонями в деревянный бортик — доска отозвалась глухим смолистым гулом. Сползла на пол, пошла босиком по коридору. Паркет гудел низко, половик шуршал под ногами, а на пороге гостиной её встретил тёплый гул: комната пела. Ева замерла на миг, прислушалась — и вошла.

Мать сидела на диване, пальцы бегали по клавишам ноутбука — сухо, дробно. Поверх этого стука Ева улавливала главное: оранжевый шум маминых духов. Он вился вокруг мамы, пах апельсиновой коркой и сухим деревом — единственное, что мама излучала в пространство, когда не думала о дочери.

Ева легла на живот посреди комнаты, уставилась в потолок. Солнечный зайчик плясал там, отражаясь от экрана, — золотой, дрожащий, со звоном. Часы тикали в такт, и звон складывался в мелодию — без начала и конца, текучую, как вода. Ева лежала и слушала, улыбка светилась на лице.

Мать закрыла ноутбук, взяла Еву на руки. И тут же — знакомая вибрация: в груди мамы жила тревога, тонкая струна. Она звучала всегда, даже когда мама улыбалась и говорила ласково.

«Пойдём гулять», — сказала мама, и голос её пах сиренью. Ева позволила усадить себя в коляску. Колеса зашуршали по асфальту — низко, убаюкивающе. Небо синело, и Ева смотрела в него, слыша, как каждый лист на деревьях поёт своим цветом: клёны — серебристо-зелёным, берёзы — светло-жёлтым, дубы — густым, тёмно-зелёным. Всё смешивалось в многоголосый хор, и Ева вздохнула — её дыхание слилось с этим хором. Она была его частью, и он — её.

Мать поставила Еву на траву. Рядом рос одуванчик — белый, пушистый. Ева наклонилась. Каждая пушинка дрожала на своей частоте, и все вместе они создавали аккорд, какого не сыскать ни у одного инструмента. Ева сложила губы, дунула. Воздух вырвался, столкнулся с пением пушинок —

они разлетелись, каждая со своей нотой, как россыпь стеклянных шариков. Ева смотрела, как они кружатся, и слышала, как растворяются, вплетаясь в хор листьев и неба. Она засмеялась — чисто, без фальши, так смеются дети, у которых внутри слишком много света.

Ей ещё предстояло узнать, что этот день — один из последних, когда она слышит мир так ясно. Предстояло услышать: фиолетового неба не бывает, одуванчик не звенит, земля не дышит. Но пока она ещё цельная, пока она — сама себе.

Глава 2. Мамин голос

Запах дома смешался с запахом каши с кухни — тёплым, молочным, сладковатым. Она остановилась, прислушалась к новому аккорду и улыбнулась снова.

Отец сидел в кресле, в наушниках. Его дыхание Ева видела как синюю вибрацию — глубокую, ровную, бесконечную, как океан, который никогда не касается берега. Этот океан был красив, но он не имел края, не имел выхода к ней. Когда отец дышал, синий гул наполнял комнату, но он не касался Евы, не огибал её, не искал. Он был замкнут в себе, как звук в герметичной банке.

Ева смотрела на него — он смотрел в экран, пальцы лежали на клавиатуре неподвижно, глаза стеклянно отражали свет. Она не обижалась.

Она сама была себе вселенной, и этой вселенной хватало собственного дыхания. Но иногда, когда отец выдыхал, волна синевы проходила сквозь неё насквозь, и тогда в груди появлялась маленькая пустота — крошечная, как булавочный укол. Ева не находила слов для этого чувства. Она просто замечала: её собственный свет тускнеет, когда отец не смотрит в её сторону.

Мама поставила перед ней тарелку. Ева взяла ложку, та звякнула о фарфор — и она начала есть. Ева уже знала: если она съест кашу, мама улыбнётся, и металл в голосе станет мягче. Если откажется — тревога зазвенит громче, и сирень исчезнет совсем. Ева ела. Каша была пресной, но она жевала, глотала, и каждый глоток сопровождался удовлетворённым вздохом мамы.

Мама погладила Еву по голове. Прикосновение было мягким, но Ева слышала, как кожа мамы издаёт звук — шершавый, чуть напряжённый, будто мама гладила обязанность, а не дочь. Ева просто чувствовала: когда я ем — меня любят. Когда я сплю — меня не будят. Когда я молчу — меня не ругают.

В кроватке Ева повернулась на бок, обняла зайца. Заяц пах мятой — той же мятой, что осталась от вчерашних слёз. Ева прижала его к груди, и её дыхание смешалось с его молчаливым запахом. В ушах всё ещё звенел мамин голос: «Ты моя радость». Снаружи — сирень. Внутри — медь. В улыбке Евы появилась первая нота притворства.

Глава 3. Игрушечное пианино

Мать поставила перед Евой игрушечное пианино — пластиковое, белое, с разноцветными клавишами. Оно пахло новой пластмассой, и когда Ева провела по нему ладонью, инструмент отозвался сухим щелчком. Мать села рядом, её длинные пальцы легли на клавиши с той же серьёзностью, с какой она касалась рояля. «Это нота "до", — сказала она ровно. — Нажми».

Ева посмотрела на красную клавишу, нажала — из динамика вырвался тонкий, металлический звук, плоский и безжизненный. Ева нахмурилась: он не пел, не дышал. Она положила ладонь на клавиатуру и нажала все клавиши подряд — хаотично, как дождь. И тогда клавиши запели каждая своим цветом: красная — малиновым, синяя — васильковым, жёлтая — солнечным, и все смешивались в живой разноцветный шум. Ева засмеялась, била по клавишам ладонями, пальцами, кулаками — пианино отвечало радостным хором. Ей казалось, что она дирижёр оркестра, где каждый музыкант цветёт.

Мать нахмурилась, между бровей пролегла морщина. «Не балуйся, — сказала она холодно. — Сломаешь. Нажми

"до"». Она взяла Евин палец, прижала к красной клавише. Пианино пискнуло. Мать выдохнула, удовлетворённо кивнула. Ева снова нажала красную, синюю, жёлтую — по очереди, как велели. Пианино пищало сухими горошинами. Мать улыбнулась, погладила Еву по голове. Ева снова нажала «до» — во рту появился металлический вкус.

Мать встала: «Молодец. Какая умная девочка». И ушла, оставив Еву с пианино. Она понюхала пальцы: кожа стала тяжелее, будто покрылась плёнкой. Она положила руки на колени, пианино молчало. Ева закрыла глаза и прислушалась к себе. Там, глубоко, за железным привкусом, продолжал звучать звон колокольчика — тихий, далёкий, но живой.

Она посмотрела на пианино. Красная клавиша ждала. Ева поднесла палец, но не нажала. Вспомнила, как звучал хаос — живой, смеющийся, без металла. Убрала руку. «Нет», — сказала она тихо, без злости — тихая правда, которую нельзя объяснить. Она впервые сказала «нет» не маме, а себе. Она отодвинула пианино и легла на ковёр.

Глава 4. Фиолетовое небо

Рисунок Ева делала долго — целых два часа, с той сосредоточенной радостью, с какой дети рисуют, когда никто не смотрит и не поправляет. Небо она выводила густо-фиолетовым, каким оно бывает перед грозой, когда воздух пахнет озоном. Трава у неё вышла оранжевой — светящейся изнутри, как уголёк, который только что выпал из костра. Она положила рисунок на стол перед учительницей и замерла, ожидая, когда та посмотрит.

Учительница взяла рисунок, поднесла к глазам, и брови её, тонкие, как две нитки, поползли вверх, сдвинулись к переносице. Она молчала долго, так долго, что Ева успела услышать, как тикают часы над доской.

«Здесь уже не детский сад. Небо синее, трава зелёная. Ты что, не знаешь? Перерисуешь дома». Она поставила двойку карандашом. Ева не плакала, пока удивлялась.

Дома Ева принесла рисунок на кухонный стол, рядом с тарелкой, где ещё лежал недоеденный хлеб. Мать посмотрела, и лицо её застыло — гладкое и твёрдое.

Она молча достала из ящика синий фломастер, потом зе-

лёный. Ева слышала, как фломастеры стучат о деревянные стенки — коротко, резко. Мать прижала рисунок ладонью к столу и начала перекрашивать. Аккуратно, ровно, не выходя за контуры, как раскрашивала покупную картинку. Синий ложился поверх фиолетового, зелёный — поверх оранжевого. Она перекрасила, положила рисунок на стол и сказала:

— Вот это завтра отнесёшь и исправишь оценку.

Ева пошла в свою комнату, не оборачиваясь, и в спину ей летел холодный шум посуды, которую мама мыла на кухне — тот же глухой, бесцветный шум, что был, когда Ева смотрела на переделанное небо.

Она начала рисовать по-новому. Теперь брала синий карандаш для неба, зелёный — для травы, рисовала ровно, аккуратно, без ошибок. Учительница ставила пятёрки, мама улыбалась, и Ева улавливала, как улыбки и пятёрки складываются в ровную, безжизненную мелодию. Она замечала странное: когда она рисовала по шаблону, внутреннее зрение тускнело.

Синий становился не синим, а серым, плоским, как бумага, на которой нет рисунка. Зелёный переставал быть зелёным — он становился бесцветным, пустым, как воздух.

Глава 5. Школьный шум

Когда Еве исполнилось восемь, она уже знала, что мир звучит не так, как говорят. В школе было особенно слышно. Учительница, Нина Петровна, стояла у доски, и каждое её слово было ровным, гладким, как отполированный камень.

Она говорила «молодец» всем подряд — и тем, кто решил задачу правильно, и тем, кто списал с соседа, и тем, кто просто сидел и молчал, потому что не знал ответа. И каждый раз это «молодец» звучало одинаково: сухо, плоско, как горох, который сыплут в жестяную банку. Ева сидела за партой и слушала. Она слышала, как фальшь вибрирует в голосе учительницы — тонко, почти незаметно, но для Евы это было как белая нитка на белой ткани: если приглядеться, видно. Она начала считать. К концу первого урока было семнадцать «молодцов». К концу второго — ещё пятнадцать. К концу дня — сорок семь раз. Сорок семь раз Нина Петровна сказала «молодец» голосом, в котором не было ни капли настоящего тепла. Ева запоминала частоту фальши — её цвет, её звук, её запах. Она уже знала: это знание пригодится.

В тот же вечер она взяла телефон. Мать дала ей старый смартфон, чтобы смотреть мультфильмы. Ева нашла в нём

другое. Приложение с красной кнопкой — оно записывало звук. Она нажала на неё, телефон дрогнул, засветился, и Ева удивилась, как он слушает тишину комнаты. Она поднесла его к губам и прошептала: «Меня зовут Ева. Мне восемь лет. Я умею слышать то, чего не говорят». Нажала стоп. Переслушала. Свой голос она слышала впервые без помех, без маминого голоса, без шума улицы. Чистый, но с дрожью — как струна, которую только что тронули. Сохранила запись. С тех пор у неё появился тайный дневник в телефоне, под защитой пароля. Она называла его «Коллекция».

Каждый день она записывала голоса. Голос Миши, когда он врал про домашку. Голос Лены, когда она говорила «я не злюсь» — но Ева улавливала внутри разбитый колокольчик. Голос отца, когда он разговаривал с коллегами, — тот же синий, но чужой. Голос мамы, когда та улыбалась соседке: «у нас всё хорошо». Она записывала всё. Вечером раскладывала голоса на частоты, как пасьянс. У каждого человека был свой звук — уникальный, как отпечаток пальца.

Ева училась их копировать. Пробовала говорить как Миша, как Лена, как учительница — получалось. Подстраивала голос под нужную частоту, и люди верили. Смотрели на неё и видели ту, кого хотели видеть. Ева чувствовала себя шпионкой, которая проникает в чужие крепости. Никто не знал, что она там. Она была кукловодом: марионетки улыбались,

не зная, кто ими управляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.